

Андрей
ТРОИЦКИЙ

*По
Америке и Канаде
с русской
красавицей*

Документальная проза

Андрей Троицкий

**По Америке и Канаде
с русской красавицей**

«Андрей Троицкий»

2016

Троицкий А. Б.

По Америке и Канаде с русской красавицей / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий», 2016 — (Документальная проза)

В этой книге вновь появляется красавица Рита, она берет автора за руку и уводит в новое приключение. На машине герои проедут Соединенные Штаты с юга на север. Они побывают на родине Марка Твена и Хемингуэя, на самом большом джазовом фестивале, заглянут в американский театр, поиграют в казино, вздохнут на могиле Аль Капоне, попадут в торнадо и едва не купят Bentley. А потом нелегкая занесет в Канаду, где путешественники приценятся к одному из островов на реке Святого Лаврентия, в Торонто посетят огромный подземный город, выяснят, во что обойдется проведение Олимпийских игр, а также испытают на себе новые трудности перевода. Не всем надеждам суждено сбыться, не всем встречам состояться. Но будет интересно, — пора в дорогу.

© Троицкий А. Б., 2016

© Андрей Троицкий, 2016

Содержание

Вместо предисловия	5
Как убить время и остаться в живых	7
Большая распродажа	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Андрей Троицкий

По Америке и Канаде с русской красоткой

Вместо предисловия

В августе в Чикаго стояла гнетущая жара, жизнь города переместилась к берегу Мичигана, где от воды хоть немного веяло прохладой. Я пытался закончить книгу, но работа двигалась вяло. Хотелось куда-нибудь уехать, хоть на неделю, забыть о делах и жаре. Когда раздался звонок из Москвы и сквозь помехи прорезался голос Риты, – я обрадовался.

Рита редкая красавица, к тому же умная и талантливая женщина, пробующая силы в литературе, с ней в прошлом году мы путешествовал по Америке. После короткого обмена любезностями и новостями, Рита сказала, что собирается приехать, – есть неотложное дело. Ее тетка, шестидесятилетняя Лиза, живущая здесь постоянно, куда-то пропала, она не отвечает на звонки уже две недели. Никто из знакомых не знает, где ее искать. Месяца два назад Лиза сказала, что, может быть, в конце августа поедет погостить к подруге в Атланту. И вот теперь тетка пропала, а ее подруга тоже не подходит к телефону, – и это странно.

Для тревоги есть все основания. Года полтора назад Лиза познакомилась с каким-то подозрительным типом по имени Берт, прожженным альфонсом, который пытался официально оформить их отношения. И лишь с одной целью – прибрать к рукам теткины деньги, а она человек весьма обеспеченный.

Рита боится высказывать самые страшные предположения, но, может статься, но тетка уже переехала в тот мир, откуда нет возврата. А Берт вступил или в скором времени вступит в права наследования. Получит денежки и тю-тю, ищи ветра в поле. Уедет куда-нибудь в Аргентину, сменит имя, обзаведется новыми документами... Рита просила меня поехать вместе с ней к теткиной подруге в Атланту. Если той не будет на месте, надо будет отправиться к тетке в Талсу, штат Оклахома. Рита плохо знает Америку, да и поездка может превратиться в весьма опасное приключение. Кроме меня ей не к кому обратиться.

Я вяло возразил, что август – это время, когда люди разъезжаются, кто куда, тетка, наверняка греется на солнце где-нибудь во Флориде или уехала за границу. Скоро сама найдется, надо подождать. Кроме того, поисками людей здесь занимается не частные граждане, а полиция, туда можно обратиться, детективы, не откладывая дела в долгий ящик, тут же возьмутся за дело, – таков закон. Но мои возражения Рита отвергла сразу, такой она человек: если что-то решила, с места не сдвинешь.

– Лиза всегда звонит перед тем, как уехать, объясняет, где ее можно найти в случае чего. А в этот раз, как в воду канула. И адреса не оставила.

– Мне самому иногда хочется уехать куда-нибудь далеко... И не оставить адреса.

– Ты пишешь остросюжетную прозу, – вздохнула Рита. – А эта история – детективная, как раз по твоей части. Ну, неужели тебе не интересно провести небольшое частное расследование. Вместе со мной прокатиться до Оклахомы, ну, где живет тетка. Или жила... О Лизе, – я это сердцем чувствую, – теперь можно говорить в прошедшем времени. Я заплачу тебе за потраченное время. Деньги – не проблема.

У меня с деньгами было не очень, но от оплаты я отказался.

На протяжении всего разговора я думал, что прокатиться мне не помешает. Путешествие займет дня три-четыре, всего-навсего. Немного отдохну, отвлекусь, а там работа над книгой пойдет веселее. Все равно, куда ехать. К тетке, так к тетке.

Короче, я согласился и уже на следующий день вылетел в Атланту, снял гостиничный номер неподалеку от аэропорта и тем же вечером встретил Риту, прилетевшую из Москвы. Она

выглядела еще ярче, еще красивее, чем в прошлом году. Краем уха от знакомых я слышал, что ее жизнь с мужем не наладилась и, видимо, дело идет к окончательному разрыву.

Вечером мы съездили к теткойной подруге Татьяне, но никого не застали дома. От соседей узнали, что она в Европе уже неделю, вернется где-то в середине сентября. Значит, придется ехать в Талсу на поиски Лизы. Эта перспектива мне не очень нравилась, я рассчитывал посвятить Рите всего два-три дня, но все оборачивалось против моих планов. Поездка могла затянуться на неопределенную перспективу, – так и случилось, – но и отказаться уже нельзя, обещал.

На следующий день я отправился в пункт проката автомобилей, арендовал Jeep Liberty, – Рита больше не хотела лететь самолетом, после вчерашнего перелета она чувствовала себя неважно. Мы отправлялись в путь налегке, у Риты небольшой чемодан, у меня вместительная спортивная сумка. К середине поездки багажник машины будет забит вещами, – полезными, но в основном бесполезными, – снизу доверху. Мы присели на дорогу, залезли в машину и тронулись в путь.

Как убить время и остаться в живых

Вечером в четверг мы приехали в довольно большой город (не хочу называть) и поужинали. Я поднялся к себе в номер лег перед телевизором и заглянул в дорожный атлас. До Талсы, штат Оклахома, остается где-то миль триста с небольшим. Выедем завтра ближе к полудню, – Рита не любит просыпаться слишком рано, если нет веской причины, – значит, вечером будем на месте.

Допустим, телефон тети Лизы не работает, сама она на месте, цела и невредима. Но тут возникает затруднение... Именно в это время, каждую пятницу под вечер, Лиза уезжает на ранчо к своей лучшей подруге – так рассказывала Рита. И где искать это ранчо – никто не знает. Лиза возвращается в понедельник. Таким образом, мы окажемся в Талсе как раз в то время, когда в небольшом южном городе трудно найти достойное времяпровождение.

Придется сидеть в номере, уставившись в телевизор, или гулять по пустым улицам. Я позвонил Рите и поделился соображениями.

– Что ты предлагаешь?

– Остаться на выходные здесь, – ответил я. – Если считать пригороды, – жителей в городе почти миллион. Кинотеатры, рестораны, большие магазины... Есть выбор. А в Талсе, – я посмотрел в справочнике, – сходить некуда. Только в кино или в зоопарк. Правда, зоопарк там один из лучших в стране.

– Логично. Ну, хорошо... А что здесь интересного? Есть что-нибудь кроме ресторанов и магазинов, которые меня не интересуют?

– Здесь отличный шопинг.

И это была чистая правда. Шопинг в городах средних гораздо разнообразнее и богаче, чем в больших городах, тем более в мегаполисах, таких как Нью-Йорк, где все торговые точки вытоптаны тучными стадами туристов, прибывающих со всего мира (каждые полминуты в международном аэропорту имени Кеннеди садится авиалайнер из-за рубежа). И когда приезжаешь в магазин на объявленную заранее распродажу, находишь на вешалках только негодные тряпки неходовых размеров.

Тем, что Рита отказалась прошвырнуться по магазинам, я был немного удивлен. Всегда казалось, что границы женской любознательности не простираются дальше магазинных прилавков (конечно же, это была ошибка).

Однажды довелось быть свидетелем интересной сцены. Одна туристка планировала вернуться в Россию с тремя чемоданами обновок. Она прилетела в Нью-Йорк и первым делом купила три вместительных чемодана, которые предстояло набить вещами. В течении пяти дней она посещала крупные универмаги, но не нашла ничего особо интересного. За пять дней шопинга – всего один чемодан покупок, – совсем немного.

Но тут женщина оказалась на два дня, – так сложилась туристическая программа, – в довольно крупном городе на Среднем Западе. Первый день она посвятила осмотру достопримечательностей, начало следующего дня – набегу на тамошний французский ресторан. На вторую половину дня запланировала шопинг, – она не ждала приятных сюрпризов от этого хоть и крупного, но провинциального города. А пустые чемоданы хотела подарить знакомой.

Оказавшись к универмаге, женщина испытала легкий шок, – широчайший выбор и низкие цены. Она начала бегать по маршруту торговый зал – примерочная комната, ведь в гостинице ждали два пустых чемодана. Она мерила и покупала, но время бежало слишком быстро. Женщина катила впереди себя тележку, полную вещей, вторую полную тележку катил я. Покупок хватило бы, чтобы набить один чемодан. А на кронштейнах – еще так много соблазнительных вещей.

Тут по громкой связи объявили, что магазин закрывается через пятнадцать минут. С женщиной случилось что-то вроде истерики, закончившейся легким обмороком. "Почему я не пришла сюда вчера?" – повторяла она, словно в горячке, в бреду. На нее, безутешную, было жалко смотреть. В итоге до машины обе тележки докатил я, а мою знакомую довели охранники универсама. К тому времени она потеряла способность самостоятельно ориентироваться в пространстве и даже передвигаться.

Сейчас я надеялся удивить Риту провинциальным изобилием и низкими ценами, – но не получилось.

– Я не за тряпками приехала, – отрезала Рита. – А по делу. И если уж тратить свободное время, – то на сбор материала для моей новой книги или пьесы, а не на тряпки.

– Хорошо. Попробую что-нибудь придумать...

Спустился в фойе, взял пару бесплатных газет с объявлениями и вернулся обратно. Через час предложил Рите культурно-развлекательную программу на все выходные.

– Не хочу идти в парк развлечений, – сказала Рита. – Что я ребенок?

– Атракционы – не для детей.

– Это как-то связано с сексом? ("Six flags", то есть "Шесть флагов" по звучанию похоже на "Sex flags" сексуальный флаг) – может быть, поэтому в голосе Риты слышна заинтересованность.

– Ты все увидишь на месте. А если хочешь секса, могу предложить одно заведение... Для озабоченных женщин.

– И перестань говорить пошлости. Боже мой, кем ты станешь, когда подрастешь и превратишься во взрослого мальчика...

Надо сказать, что во время прошлого приезда мы с Ритой на часик-другой заскочили в "Шесть флагов". Но другие впечатления, более яркие, вытеснили ту экскурсию куда-то на периферию памяти. Дело было далеко от этих мест, где совсем другие нравы и понятия о приличиях...

* * *

Утром мы встретились внизу, сели в машину и отправились в "Шесть флагов", – сеть парков отдыха, что-то вроде "Диснейленда", в основном для взрослых и подростков. Атракционы – это рай для людей с крепкими и очень крепкими нервами и развитым чувством черного юмора.

Карусели, крутящиеся с космической скоростью, когда на десятом круге начинает выворачивать наизнанку, пещеры ужасов, где из темноты, с потолка валятся трупы, открываются могилы и к жизни восстают лежалые мертвецы, американские горки, самые крутые и быстрые, из тех, что я видел когда-либо, высоченное колесо обозрения, прыжки с вышки, когда с грешной жизнью тебя связывает даже не парашют, а довольно тонкая истертая веревка, – а я боюсь высоты... Острые ощущения граничат с крошечным животным ужасом.

(В скобках замечу: присутствие детей нежелательно даже на безобидной железной дороге. Ну, ходит паровозик с прицепленными вагончиками, казалось бы, – чего пугаться. Садимся, подъезжаем к остановке. Очевидно, это поселок на Диком западе. Салун, парикмахерская, гостиница... Посередине площади – виселица в натуральную величину. Детей с нами не было, поэтому просто посмеялись).

В довершение – огромный аквапарк, напигигованный водными атракционами: горки – но опять же не для детей, дикая река, бассейн с океанскими волнами и много других развлечений. Глаза разбегаются – и за все про все – только 25 долларов. Отдыхай целый день, загорай, купайся... А в продаже еще абонементы на все лето и осень, – по ним цена посещения просто символическая.

– Ни за что не надо платить дополнительно? – удивляется Рита, когда, не вылезая из машины, покупаем в кассе билеты.

– Ни за что. Но есть некоторые тонкости...

Оставляем машину на стоянке, пешком идем к входу. Предъявляем билеты. На внешнюю сторону ладони ставят печать. Это на тот случай, если вы захотите выйти обратно на стоянку к машине и потеряете билеты. Покажете печать и пустят обратно.

Но зачем возвращаться к машине, – путь от стоянки до входа неблизкий, по жаре, по солнцепеку, – если не хотите уезжать? Смысла нет, да и проделать этот путь – трудно физически. Но много посетителей почему-то возвращается.

Оказывается, в машинах люди оставляют еду и напитки, сумки-холодильники, набитые разной снедью. Проносить на территорию парка свои бутерброды или воду, – строго запрещено. На входе вежливо, но твердо вас попросят показать содержимое сумочки, если найдут еду или воду, – не пустят. В этой маленькой хитрости – секрет большого коммерческого успеха.

Мы вдоволь накатались на горках и каруселях. Заходили в кафетерий, закусную. Мы покупали майки, недорогие сувениры, заказывали фотографии на память... И главное, мы все время пили воду. Покупали бутылки содовой в автоматах, бумажные стаканы с натуральным лимонадом у лоточников.

К концу дня делаю нехитрые подсчеты и выясняю, что оставил в парке развлечений почти полторы сотни долларов, а Рита – две с половиной сотни. При этом только на воду потратил 30 с лишним долларов, – жара, пить хочется постоянно, а лимонад – дорогой. Стало понятным, почему многие семьи отправляются назад, на стоянку, берут припасенные бутерброды и воду. Рядом что-то вроде парка, – там, в тени деревьев отдыхающие устраивают пикники.

* * *

Все развлечения пришлись Рите по душе, она не хотела пропускать ни один аттракцион, а я ждал и утешился мыслью, что скоро мы переберемся в аквапарк, там прохладный бассейн, искусственная река с быстрым течением, где можно плавать на надувных кругах, и другие блага цивилизации. Уже после обеда Рита поняла, что не осилит и половины развлекательной программы, – и сдалась. Ей тоже хотелось искупаться и поваляться в шезлонге.

Мы пришли в аквапарк, двинулись к раздевалке. И тут обратили внимание, что все женщины вокруг, – включая подростков и детей, – только в закрытых купальниках. А на большинстве посетительниц, поверх купальника – майка с длинным рукавом.

Я останавливаюсь:

– Черт, просто из головы вылетело...

Это моя вина. Киваю на женщин и объясняю Рите, что она взяла не тот купальный костюм. В центральных и южных штатах не принято ходить в аквапарки, бассейны или на пляж в купальнике бикини, состоящим из пары веревочек и небольших лоскутков ткани, чисто символических, не прикрывающих почти ничего.

Здесь народ религиозен, люди более консервативны, чем, скажем, пестрая публика на пляжах Майами или Нью-Йорка, где бикини летом – это нечто совершенно естественное, нагота женского и мужского тела – приятный в меру эротичный элемент отдыха, не более того. Конечно, прямых запретов на открытые купальники на юге и Среднем Западе не существует, если хочешь – надевай, но надо помнить: не всем окружающим это понравится.

Как и Рита, я не ханжа, но неприятно, когда на твою спутницу смотрят как-то косо, как на женщину весьма и весьма легкомысленную... Ну, третьего не дано: или принципиальная борьба за нравственный облик населения или красавицы в бикини. Или – или.

Я со злорадством подумал, что здешние мужчины многое потеряли, не увидев Риту в открытом купальнике.

– Что ж, в другой раз повезет больше, – она разворачивается и бредет обратно. – Ты взял на себя роль моего гида, а забываешь о самом важном. Ставлю тебе двойку.

– Официального запрета на открытые купальники нет, – бормочу я. – Это тебе решать. Мы можем вернуться.

– Нет уж, спасибо.

Не то, чтобы Рита страдает повышенной застенчивостью, – нет, но и вызывающего поведения она не любит, – выглядеть белой вороной, возмутителем общественного спокойствия ей не хочется.

Справедливости ради надо сказать, что и для мужчин тоже существует свой дресс код. Здесь не принято появляться в порнографических плавках, столь любимых в России, когда мужские гениталии тесно обтягивает кусочек эластичной ткани, а зад – почти не прикрыт. Выставлять напоказ мужское достоинство, – иногда очень сомнительного вида, – уместно в стриптиз клубах. На пляжах и в парках развлечений мужчины носят, плавки-шорты, как у нас раньше говорили, – семейные трусы. Чуть короче колен. У большинства мужчин фигуры не идеальны, поэтому лично я голосую за шорты, скрывающие некоторые недостатки.

* * *

Мы идем обратно через парк развлечений, через стоянку, забитую огненно горячими от солнца автомобилями. Рита не подает вида, что настроение испорчено, она садится на водительское место, включает кондиционер и говорит:

– В мой новый роман я вставлю эпизод, когда красивая женщина приходит в такое вот унылое заведение в открытом купальнике. И что из этого получается...

– Отличная идея, – я не знаю, чем еще ободрить Риту. – Это будет нечто особенное.

Мы возвращаемся в гостиницу другой дорогой. Проезжаем район, судя по виду, не самый благополучный. Темные от времени двухэтажные домишки старой постройки, много пустующих, с окнами, забитыми листами фанеры или деревянными щитами. На других домах – окна забраны решетками, много пустырей, огороженных заборами из стальной сетки.

Пешеходов почти не было видно. Бродяга катил магазинную тележку, заполненную свертками и тряпками, другой бродяга сидел на тротуаре и курил самокрутку. Он искал глазами человека, у которого можно попросить мелочь, но людей не было.

В тесном проулке, где даже нет асфальтовой дороги, между двух заколоченных домов стоит тяжелый тягач, совсем новый. Но лобовые стекла разбиты. Сто процентов, – машину недавно угнали и бросили здесь, возможно, разграбили товар из прицепа, а полиция здесь еще не проезжала, поэтому ничего не знает о случившемся. Надо бы им позвонить. Достая из бардачка мобильник, однако он не подает признаков жизни, – слишком давно я его не заряжал.

Останавливаемся на светофоре. Впереди никого и сзади тоже.

– Смотри туда, – говорит Рита. – Видишь?

Чуть дальше посередине двухрядной дороги на желтой разделительной полосе стоит смуглый парень, голый до пояса. На голове летняя светлая кепка. Внешность ресторанного вышибалы: накачанный, плечистый. В одной руке бутылка виски, на дне которой плескаются мутные недопивки. На кулак другой руки намотана довольно толстая цепь. Парень делает круговые движения рукой, разматывая длинную цепь, а затем снова наматывает ее на кулак. Он с интересом поглядывает на нас, губы растягиваются в змеиной полуулыбке.

– Ничего особенного, – отвечаю я. – Ну, стоит парнишка... Уже и постоять человеку нельзя?

– Господи. Почему тут нет полиции?

– На эту тему можно докторскую диссертацию написать. Если коротко: чем бедней район, тем меньше полиции. Кстати, как ты сюда заехала?

– На картах гетто для черных никак не обозначены, – отвечает Рита. – И районы с высокой преступностью тоже не обозначены.

Секунды едва ползут: красный свет горит бесконечно долго. Парень подносит ко рту горлышко бутылки, делает глоток. Здесь дорога только вперед, свернуть некуда, и с этим персонажем нам не разминуться.

Мне это место активно не нравится. На одной стороне два брошенных дома, пространство между ними заставлено мусорными баками и какими-то пластиковыми пакетами, забытыми истлевшими газетами. Возможно, за баками и тюками с мусором прячутся друзья этого деятеля. Напротив пустырь, обнесенный металлической сеткой, на втором плане еще один ряд брошенных домов с заколоченными окнами.

Когда этот парнишка ударит цепью по капоту или лобовому стеклу, и я выскочу из машины, тут же из своего укрытия появится еще пара крепких ребят. У меня не будет никаких шансов. Мы лишимся машины, денег... Это в лучшем случае, – о худшем варианте я не думаю. Можно попытаться проскочить, но это вряд ли получится.

Вытаскиваю мобильный телефон с севшей батареей, подношу его к уху. Парень внимательно смотрит на меня и поигрывает цепью. Наши взгляды встречаются, я беззвучно открываю рот, якобы разговариваю по телефону и не отвожу взгляда от парня. Рита надевает темные очки. Загорается зеленый.

– Не двигайся с места, – говорю я Рите.

Хорошо, что сзади машин нет. Я продолжаю этот спектакль еще полминуты. Рита трогается, мы медленно проезжаем мимо. Трюк срабатывает. Парнишка опускает руку с цепью и провожает нас тяжелым взглядом. Он решил, что я вызвал полицию и отказался от задуманного, не рискнув лезть на рожон.

* * *

Машина съехала на обочину и остановилась, когда стало понятно, что мы заблудились. Некоторое время я копался с GPS, вводил в него название нашей гостиницы, – ее точный адрес я не помнил. Гостиница недорогая сетевая, таких заведений по всей Америке бесчисленное множество. А в округе три отеля, но который из них наш, – непонятно. Я достаю атлас, перелистываю страницы. Насколько я помню, нам нужна Лейк стрит. Впрочем, я могу ошибаться. Да, эта длинная улица, она тянется через весь город, упирается в реку и продолжается на другом берегу.

Кажется, направляясь в "Шесть флагов", мы пересекали мост через Миссисипи. Значит, нам нужен мост. Или реку мы не пересекали? Точно не помню, и Рита не помнит. По дороге к парку развлечений за рулем сидел я, мы увлеченно спорили на тему, почему бейсбол не приживется в России. Было утро, яркое солнце. Ну, мы как-то с горем пополам доехали до места, даже не заглядывая в карту...

Теперь окружающий мир выглядел несколько иначе. Сумерки, справа старая католическая церковь с часовней, витражи разбиты, ступени завалены мусором, на дверях тяжелый ржавый замок. Впереди у перекрестка бочка, из нее вырываются языки пламени. Рядом топчутся два черных мужчины неопределенных лет. Они посматривают в нашу сторону, о чем-то переговариваются.

– Вон люди, – Рита показывает пальцем на мужчин у бочки. – Надо спросить дорогу.

– Не надо, – говорю я, ниже склоняясь над атласом. – Сами разберемся.

Кажется, я понял, куда ехать. Хорошо бы занять водительское место, но для этого надо выйти из машины, а это опасно. Поэтому я объясняю Рите, как ехать и где сворачивать. Какое-то время мы петляем по полутемным улицам. Как правило, в здешних городах названия улиц

можно увидеть только на перекрестках, – это небольшие таблички с белыми буквами на светло-зеленом фоне, которые в сумерках трудно прочесть.

На домах нет больших подсвеченных табличек с номерами, чаще всего номера домов можно увидеть над дверью или на почтовом ящике. Это затрудняет поиски, особенно в полутьме. Улицы абсолютно пусты, дома вокруг крошечные, без летних веранд, похожие на коробки из-под ботинок: крылечко и два окошечка, спрятанных за железными решетками.

Похоже, что на этой стороне нашей гостиницы нет, надо поворачивать к мосту. Через четверть часа, мы пересекли Миссисипи, и я перевел дух. Ну теперь мы в благополучном районе и найдем дорогу.

* * *

Рита свернула, чтобы перекусить, к закусочной Макдональдс, – почему-то дорожные приключения всегда возбуждают аппетит. Мы зашли внутрь. Посетителей человек двенадцать, – все черные. На нас смотрят с любопытством, как на белых борон, залетевших на чужую территорию. Подходим к прилавку, – не уходить же теперь. Рита заказывает еду. Черная девушка, принимающая заказ, что-то шепчет ей.

Тишина, поэтому я расслышал вопрос.

– Это твой парень? – продавщица кивает на меня.

Рита немного смущена, не знает, что ответить, – вдаваться в долгие объяснения ей не хочется, как-то неловко. Поэтому она молча пожимает плечами. Я стою в стороне, будто речь не обо мне, о каком-то другом, постороннем человеке, делаю вид, что ничего не слышу. Продавщица глядит на меня, морщится, как от кислого, и мотает головой, – выбор Риты ей не нравится.

– Нехороший, – она шепчет слишком громко, кажется, ее реплики слышит весь зал. – Старый.

Мы наскоро перекусили. У Риты аппетит, как всегда, неплохой, но мне кусок в горло не лез. Выходим из закусочной. На улице совсем темно, возле нашей машины три черных подростка. Кажется, в руках одного из них металлическая линейка, с помощью которых открывают дверцы машин. Парням любопытно, что там лежит в моем бардачке и сумке на заднем сидении. Я останавливаюсь на освященном пятачке возле двери, достаю разряженный телефон. Что-то бормочу в трубку, пристально глядя на подростков. Не драться же мне с ними.

И снова фокус срабатывает, – парни немного смущены. Они пятятся назад, отходят к вечно зеленым кустам и растворяются в темноте. Никому не советую в случае потенциальной опасности вступать в разговоры с подозрительными типами на улицах. Повторите простой трюк с телефоном, – это лучший вариант.

Пару советов на десерт: заранее узнайте, где находятся районы с неблагоприятной репутацией и не сворачивайте к ним, даже если ищите приключений. Если все же попали туда, не выходите из машины, не опускайте стекла, в случае опасности уходите на четырех колесах. Даже в благополучных городских районах ходите по большим хорошо освещенным улицам. Чтобы сократить путь, не сворачивайте в проулки между домами, там вы легко попроситесь с кошельком. В бумажнике держите не меньше 60 долларов наличными, – этой суммы хватит, чтобы грабители не разозлились на вашу жадность и не испортили вашу прическу.

Большая распродажа

Нам предстояло как-то распорядиться субботним днем, и я предложил Рите поездку по домашним распродажам, – так называемым гараж сейлам.

Если в доме появилось много лишних вещей, от детских велосипедов, обуви, мебели, до разных мелочей, – значит, пора разменять фишки на наличные и реализовать излишки по сходной цене. С утра пораньше, – на эту охоту выходят часов в семь, – мы сели в машину и отправились по адресам, напечатанным в местной бесплатной газете. По дороге я в двух словах рассказал Рите о гараж сейлах, широко распространенных по эту сторону океана, но в России пока не популярных.

Большинство американцев живет не в квартирах, а в частных домах, поэтому нет ничего проще, чем расставить возле гаража столики с товаром, кронштейны с вещами и ждать покупателей. Я плохо ориентировался в городе, но все-таки смог отличить богатый район от бедного. Нам туда, где побогаче. Как я убедился из своего опыта, в бедных районах ассортимент неважный, – это понятно, – но и цены довольно высокие, чего я не понимаю.

Я захватил не только газету с объявлениями, карту города, но и бумажник, набитый наличностью. На гараж сейлах кредитными карточками не расплачиваются. Подъезжаем к перекрестку, видим прикрепленную к столбу картонку: sale. И стрелка указывает, куда поворачивать.

Устроители сейлов, как правило, не только дают объявление в газете, но и развешивают по всей округе стрелки, указывающие направление движения. Останавливаемся возле дома в стиле ранчо. Ворота гаража на три машины открыты, внутри вместо автомобилей – столы с товаром, кронштейны, завешенные одеждой. Впрочем, весь товар в гараж не поместился, – на асфальтовой площадке перед ним, – ряд столиков со всякой всячиной.

Сразу видно – мы попали в хорошее место. Чего тут только нет. Женская бижутерия, новая в коробочках, ей завалены три стола. Журналы мод 40-х и 50-х годов, – подарок для коллекционеров, – много новых бейсболок, джинсы, майки... Я перебираю сувениры, вот двенадцать монет по одному центу, в рамке под стеклом на фоне государственного флага: это все типы центов, выпущенные в Америке во время Второй Мировой войны. Цена на бумажном стикере: шесть долларов. Не могу пройти мимо, беру.

А вот новая кружка-термос, цельнометаллическая, с отполированной до блеска ручкой и специальной крышкой, из-под которой кофе не выльется, удобная штука в дороге, – и всего четыре доллара.

Рита перебирает коробки с бижутерией, что-то откладывает в сторону. Надевает на шею толстую хромированную цепь с позолоченным кулоном. Это от известного дизайнера. Цена в шесть раз ниже магазинной. Рита кладет коробочки в заранее приготовленный пакет: одну, вторую...

– Неплохо, неплохо, – говорит она по-русски, ни к кому не обращаясь. – Даже очень интересно...

Бижутерия пользуется популярностью у немолодой китайки, она забирает сразу шесть коробок. Хозяин, одетый в шорты и майку, поднимается из кресла. После короткого торга, он сбрасывает пару долларов с цены за монеты и доллар с кружки. Он протягивает мне сдачу, благодарит за покупку и желает удачной охоты, – именно охоты. Точное определение.

На другой распродаже много всяких симпатичных мелочей: фарфоровые вазочки, бронзовые фигурки индийских богов, подсвечники, конфетницы... Несмотря на ранний час, покупателей довольно много, среди них почему-то преобладают азиаты, – китайцы и арабы.

В свое время я немало поездил по гараж сейлам и сделал кучу выгодных приобретений. Купил, например, хорошую мебель: корпусную и мягкую. Сервант, диваны, кресла... И бес-

счетное множество полезных и бесполезных мелочей: от книг до игровой приставки, от рюкзака до профессиональной фотокамеры Canon с приличным объективом. Ресивер, телевизор, акустика... Всего не перечислить.

И все это по весьма и весьма соблазнительным ценам. Могу назвать себя опытным покупателем, который разбирается в товаре и не переплачивает. Но это не значит, что каждый раз, выезжая на охоту, я возвращался с покупками, – нет. Бывали пустые дни, когда, проколесив по городу с утра до обеда, – к этому времени все торги прекращаются, – я возвращался пустым.

Но сегодняшний день, кажется, удачный.

* * *

Мы приезжаем в одно довольно большое поместье, здесь под торговую площадку отдан гараж на шесть автомобилей и широкая асфальтированная дорожка к дому. Дом большой, этакий двухэтажный особняк в южном стиле с белыми колоннами и летними верандами, облицованный розовым искусственным камнем. Мы бредем по рядам столиков, заваленных чем попало.

Попадается несколько старинных пленочных фотоаппаратов от известных производителей, но есть и довольно редкие экзотические бренды. Цена за камеру от двух с половиной до двенадцати долларов. Да, это настоящая находка для коллекционера. Я не из их славного племени, – время от времени что-то собираю, но как-то быстро остываю к своим начинаниям и забываю о них.

Однако уходить без трофея все равно не хочется. Я выбираю Argus C-3, сделано в начале пятидесятых в Канаде. Состояние отличное, муха не сидела. Видимо, хозяин, купив эту игрушку, забыл о ее существовании. Хромированная поверхность, отделка из черного пластика, съемный объектив в комплекте. Кожаный чехол, кожаная сумка с двумя накладными карманами, инструкция, фотовспышка, а к ней десяток лампочек. Хозяин просит за эту красавицу четыре с половиной доллара, но уступает за два пятьдесят.

Этот человек, хозяин богатого дома и гаража на шесть машин, устраивает распродажу не ради прибыли, а ради развлечения (если бы он думал о деньгах, – продал наиболее ликвидные вещицы через какой-нибудь интернет аукцион и неплохо заработал). Возвращаюсь к машине, открываю ноутбук, заглядываю на электронный аукцион Ebay. Такой фотоаппарат с сумкой в новом чехле – 40 долларов. Значит, моя прибыль за последние пять минут – 37,5 долларов, – неплохо.

Подхваченный волной азарта, возвращаюсь к столику, чтобы скупить все остальные фотоаппараты, – но меня опередили. Какой-то согбенный старикашка сгреб в свой бездонный баул все камеры, – сколько их там было, уж не помню, – и продолжил шопинг. Он важно шагал вдоль ряда столиков, подолгу рассматривал каждый предмет и чмокал губами, разговаривая с самим собой. Я шепчу под нос какие-то ругательства и шагаю дальше.

До нас здесь побывало немало покупателей, – торг начался слишком рано, в шесть утра, кто бы мог знать. И пенки сняли до нас. Но мне достается прекрасная новая сумка, темно-синяя с логотипом фирмы Boeing. Ремешок отстегивается, кожаные ручки. С такими сумками ходят летчики и стюардессы. Цена два доллара, но хозяин уступает за доллар.

Складываю в сумку новые приобретения. Несколько зажигалок Zippo (зачем они мне, некурящему человеку?), керамическую вазочку под конфеты (сладкое я ем не так часто, чтобы покупать вазочки), фигурку воробья из темного металла, похожего на бронзу (при ближайшем рассмотрении – чугун), китайский веер...

Рита тоже с уловом. Как и я, она поддалась охотничьему азарту. Она возбуждена, щеки порозовели, в глазах – яркие огоньки. Последний раз я видел такой взгляд, – яркий, святающийся

странным болезненным огнем, – у человека, страдающего малярией. С хозяином Рита не торгуется, сразу дает цену, обозначенную на стикере.

– Ты торгуйся, – учу я. – Это же правило охоты – торговаться.

– Цена и так смешная, чего торговаться?

– В этом весь интерес, весь смысл мероприятия, – взять хорошую вещь за сущие копейки.

* * *

Среди прочих трофеев Риты – хромированный шар на подставке, который крутится вокруг своей оси, играя рождественскую мелодию. И еще большой посеребренный кофейник высотой в сорок пять сантиметров. На корпусе, – выдавлены экзотические птицы, на ручке – чья-то бородастая физиономия, кажется, какой-то античный бог а на верхней крышке – лебедь с понишкой головой.

Кофейник покрыт толстым слоем патины, – он почти черный, нуждается в чистке. Внутри керамическая колба, целая, без трещин. Значит, этой штукой можно пользоваться. Есть и дефекты, – небольшие вмятины и царапины, но старинных вещей без дефектов не бывает. Разглядываю клеймо на доннышке: 1889 год, сделано в Англии, название фирмы на разобрать. Неплохой трофей за пятьдесят долларов.

– Меня выпустят из страны с этой штукой? – спрашивает Рита. – Не отберут в аэропорту?

– Не отберут, – отвечаю я. – Я уж сто раз повторял: все, что ты здесь купила, – твоя собственность. Ни полицейский, ни таможенник в аэропорту ничего не отберет. И из страны выпустят без проблем.

– Но ведь, может быть, это – весьма ценная антикварная вещь.

– Это твоя вещь. И не важно, что она антикварная.

Рита, немного успокоенная, заворачивает свой чайник в газету и кладет в багажник.

– Такой чайник потянет на Ебай на сотню, а то и на две, – говорю я. – А если это известный производитель, – цена будет еще выше.

– Неплохой бизнес, – говорит Рита. – Покупать на гараж сейлах и продавать с хорошей маржой через интернет.

– Так люди и делают. Тем живут. Купил на гараж сейле, продал в антикварном магазине. Или по интернету. Бизнес тормозит то, что гараж сейлы проводят только по субботам. Иногда остатки распродают и по воскресеньем. Но в этот день цена должна быть снижена вдвое. Такое правило. А теперь пора позавтракать.

– Нет, нет... Зачем терять время.

* * *

Мы едем в другое место. Этот район победнее. Рядом один с другим четыре гараж сейла, – но здесь не нашлось достойных трофеев. В основном детские вещи: мебель, игрушки, лыжи, санки...

Возле одного из домов на газоне стоят сразу несколько радиол американского производства. Огромные полированные ящики на ножках, под крышкой – проигрыватель виниловых пластинок, пленочный магнитофон. На передней панели ручки громкости, тембра и настройки приемника. Хозяин, сухонький старичок в белой панаме, включает один из проигрывателей Zenit: звук удивительно чистый, сочный. Немудрено: здесь установлен мощный ламповый усилитель, современный почти такой же ламповый аналог класса High End – не лучше и, главное, слишком дорогой.

– Такого звука сейчас не делают, – говорит хозяин. – Звучание современной аппаратуры – какое-то искусственное, будто звук из пластмассового ящика. А здесь звук – настоящий, живой, глубокий. Будто настоящий оркестр играет. Вот послушайте...

– Зачем же вы продаете такое сокровище?

– У нас с женой радиолы стояли на двух этажах и в подвале. Теперь жены нет, вот и... Решил попрощаться с той прошлой жизнью. Продаю всю коллекцию. Всего-то тридцать долларов за радиолу, а в начале пятидесятых покупал за триста. А виниловые пластинки берите по доллару. У меня большая коллекция Франка Синатры и Тони Беннетта.

Рука сама тянется за бумажником, но я, отгоняя очередной соблазн, говорю себе, что в квартире и так негде повернуться, а место для радиолы осталось разве что на балконе. Но не могу удержаться и покупаю несколько пластинок со старым джазом.

На следующий сейл мы попадаем случайно, объявления о нем нет в газете. Просто видим стрелочку на столбе и сворачиваем. На большой веранде столики, заваленные товарами для офиса, в плетеном кресле сидит хозяйка, – симпатичная женщина лет сорока.

Она рассказывает, что держала магазин писчебумажных принадлежностей, но конкурировать с крупными сетевыми магазинами, торгующими товарами для офиса, – в наше время почти невозможно. Дело пришлось закрыть. Но на складе остались товары, которые теперь можно купить здесь, на этой веранде, – и очень дешево. Я беру несколько блокнотов, ручки, пару наборов фломастеров, маркеры.

Где-то в подсознании бродит мысль: зачем все это мне? И фломастеров и блокнотов у меня в избытке, но все равно не могу устоять перед соблазном, покупаю еще два набора ручек и толстый ежедневник за прошлый год, авось, когда-нибудь пригодится, – думаю я. Рита покупает вместительный рюкзак. Ей уже некуда складывать покупки.

И тянет за руку, – поехали дальше.

* * *

Мы заворачиваем еще в несколько мест, не указанных в объявлениях, просто попавшихся по дороге. Возле одного из домов прямо на газоне расставлена мебель: столы, стулья, кресла и полукресла. На них стоят картины маслом в аляповатых золоченых рамах.

На заднем дворе столики, заваленные всякой всячиной. Тут же другая мебель, три телевизора, ковры. Беру большую пластиковую коробку, в ячейках – диски современных исполнителей. Тридцать дисков плюс фирменный бокс – десятка.

Подхожу, чтобы поторговаться, к хозяину, мускулистому парню лет тридцати. Одетый в шорты и майку без рукавов он развалился в брезентовом кресле и потягивает холодную воду из горлышка бутылки. Он сбрасывает с цены пару долларов, уступает за восемь. Беру и второй бокс с дисками.

– Сэр, вот кресла хорошие, – показывает хозяин. – Четырнадцать долларов за штуку. Для вас – двенадцать.

– Не могу. Я тут проездом.

Спрашиваю, почему цены такие низкие. Оказывается, это человек недавно вернулся из армии, – контракт закончился, – женился и купил ранчо, а его прежний владелец переехал в дом престарелых со специальным уходом, оставил всю мебель, картины, коллекцию пластинок и многое другое. Молодому семьянину все это без надобности, он все отдает за бесценок, лишь бы избавиться от ненужных вещей.

Подходит другой покупатель, тоже молодой мускулистый парень в майке и шортах. У хозяина на плече наколка: дракон и какой-то номер.

Гость показывает на татуировку и спрашивает:

– Афганистан? 82-я воздушно-десантная дивизия?

– Точно. А ты?

– 101-я воздушно-штурмовая дивизии ВДВ.

Мы уезжаем, загрузив в багажник мои трофеи – коллекцию музыки и три африканские маски, вырезанные из дерева, и покупки Риты: несколько современных фарфоровых фигурок, хрустальный шар, какими пользуются колдуньи и гадалки, морской пейзаж маслом в золотой раме и под стеклом, какие-то сувениры.

* * *

Отъехали всего пять кварталов – и новая распродажа. На заднем дворе методистской церкви выставили столики, за которыми хозяйничают дети от семи до четырнадцати. Сюда приезжают семьями, за 50 долларов арендуют у церкви разборный столик (со своим столом нельзя, – ведь церковь тоже должна немного заработать), ставят его в ряд с другими столиками на заднем дворе и выкладывают товар.

В основном детские игрушки, сувениры, DVD, музыкальные плееры, игровые приставки, конструкторы, куклы... Торговля бойкая, выбор большой и покупателей много, – они тоже приезжают семьями. Дети выбирают, что приглянулось, торгуются, покупают, отсчитывают деньги, получают сдачу. Родители отдыхают в сторонке.

К мальчишке, торгующему железнодорожными вагончиками и фигурками индейцев, подходит другой паренек. Он говорит, что нет денег, чтобы арендовать у церкви стол, но есть кое-что на продажу. Выкладывает компьютерные игры, еще какие-то мелочи и объявляет цену.

– Если продашь, – половина денег твоя. Годится?

– Отлично. Приходи вечером, все будет продано. Вот номер моего телефона...

Мы с Ритой бродим между рядами, прицениваемся, идем дальше.

– Зачем детям торговать? – фыркает Рита. – Они должны учиться.

– Одно другому не мешает. Кстати, здесь они тоже учатся. Может быть, перед нами будущие короли Уолл-Стрита, хозяева крупнейших торговых сетей, ритейлеры с мировым именем, суперзвезда бизнеса... Новый Дональд Трамп или Билл Гейтс.

* * *

Движимся дальше. На перекрестке вижу стрелочку, сворачиваю на двухрядную дорогу, которая тянется между богатых поместий, каждое из которых занимает не меньше акра земли. Возле нужного дома много автомобилей, я с трудом нахожу место для парковки. Перед крыльцом стоит человек во фраке и белых перчатках. Он улыбается приезжим, приглашает пройти за дом, аукцион только что начался.

Понимаю, что мы попали куда-то не туда, но любопытство берет верх. На заднем дворе лужайка, здесь рядами расставлены стулья для гостей. Народу немало. Впереди, перед рядами стульев, черный BMW седьмой серии и новенький, судя по виду, Mercedes 550. Мы садимся на свободные места с краю и слушаем человека в темном костюме, стоящего на импровизированной эстраде: дощатом помосте, покрытом сверху куском ткани.

Человек говорит, что местные жители уважаемые господа Глория и Чарльз Дафф выставляют на продажу две почти новых машины, купленные ими в прошлом и позапрошлом году. Все деньги, вырученные на аукционе, пойдут в благотворительный фонд "Сердце матери", которое оказывает финансовую поддержку больным детям, нуждающимся в медицинской помощи: длительном лечении в клинике или дорогостоящей операции. Долгие аплодисменты...

Во второй части торгов будут выставлены предметы антиквариата из личной коллекции мистера Ричарда Ланга. В частности, фарфоровые китайские вазы восемнадцатого века, рус-

ские иконы в серебряных окладах семнадцатого и восемнадцатого века, китайская старинная бронза. На каждую вещь имеется сертификат подлинности местного музея изящных искусств. Аплодисменты...

– Здесь за копейки ничего не купишь, – шепчу я Рите. – Это благотворительный аукцион. Местные богачи выставляют на торги машины, разные дорогие штучки, а потом передают деньги в благотворительные фонды. И покупатели – такие же богачи. Они делают добрые дела и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.